

П. Е. ЩЕГОЛЕВ

ИЗ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА ПУШКИНА

*ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ
ИСПРАВЛЕННОЕ
И ДОПОЛНЕННОЕ*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

МОСКВА

1931

ЛЕНИНГРАД

Светлейший князь Александр Михайлович Горчаков, государственный канцлер, был руководителем нашей внешней политики за все время царствования Александра II. Его активная дипломатическая деятельность началась в 1854—1856 гг., когда он в качестве русского представителя в Вене вел дипломатические переговоры во время Восточной войны. Правда, переговоры не принесли практических результатов, но «искусство и твердость», проявленные в это время Горчаковым, обратили на него внимание царя, и в 1856 году он был назначен министром иностранных дел. Когда в 1862 году во главе прусской политики стал Бисмарк, Горчаков, верный поклонник железного канцлера, поставил своей задачей согласование русской политики с политикой Бисмарка. После войны 1870 года Бисмарк уже перестал нуждаться в содействии русского министра и стал выдвигать Австрию, как противовес России на востоке. Берлинским конгрессом закончилась политическая деятельность Горчакова: тут на этом конгрессе русская дипломатия, в течение столь долгого времени руководимая Горчаковым, оказалась разбитой: русские дипломаты не только не умели достигать целей, — они не умели их даже ставить и формулировать. Министром Горчаков перестал быть с марта 1882 г. Умер он 27 февраля 1883 года в Бадене, на 85 году жизни (род. 4 июля 1798 г.).

Но не дипломат Горчаков нас интересует. Он был товарищем Пушкина по лицу. С его именем связаны четыре известные нам послания и строфа из «19 октября». Отсюда право государственного канцлера быть отмеченным в биографии поэта. Мы не причислим его к кругу друзей поэта. Пушкин был необычайно щедр, раздавая свою дружбу, и сколько теперь их, «друзей» поэта, которых он сам звал так и которых нам как-то неловко называть рядом с именем Пушкина! Горчаков был одним из таких друзей, совершенно не оценивших поэта. Даже к памяти его он не был признателен.

¹ Напечатано впервые в первом томе «Сочинений Пушкина», под ред. С. А. Венгерова.

Имя Горчакова было одним из тех, которые чаще других были на устах лицейстов позднейших выпусков. Редко у кого складывалась так блестяще жизненная карьера, как у Горчакова, его успехи по службе и в свете были поразительны: почти сейчас же по окончании лицея о нем, да о пресловутом бароне М. А. Корфе и В. Д. Вольховском заговорили: «идут в гору». Пушкин назвал Горчакова «счастливецом с первых дней». Таким он и был в представлении современников. Этот ореол счастья, этот блеск карьеры почти скрыл от нас человека.

Тебе рукой фортуны своенравной
Указан путь и счастливой и славной.

Успехам карьеры предшествовали тоже необыкновенные успехи в лицее. Тут о какой бы черте его дарования мы ни заговорили, — о памяти, сообразительности, прилежании, поведении, способностях, — мы везде встречаем одну и ту же оценку, так сказать на пять с плюсом. Еще в 1812 году лицейст Идличевский писал своему товарищу Фусу: «Горчаков благодарит тебя за поклон, и хотел было писать, да ему некогда. Поверишь ли? Этот человек учится с утра до вечера, чтобы быть первым учеником и, кажется, достиг своего желания».¹ Надзиратели и наставники, характеризую Горчакова, исчерпали, кажется, все украшающие эпитеты. В поведении Горчаков всегда был первым, а Вольховской — вторым; в учении же он уступал первое место Вольховскому. Гувернер Чириков 13 сентября 1813 года так выражался о Горчакове: «благоразумен, благороден в поступках, любит крайне учение, опрятен, вежлив, усерден, чувствителен, кроток, самолюбив. Отличительные его свойства: самолюбие, ревность к пользе и чести своей и великодушие». Профессор Кошанский 15 декабря 1813 года характеризовал Горчакова: «один из немногих воспитанников, соединяющих многие способности в высшей степени. Особенно заметна в нем быстрая понятливость, объемлющая вдруг и правила, и примеры, которая, соединяясь с чрезмерным соревнованием и с каким-то благородно-сильным честолюбием, открывает быстроту разума в нем и некоторые черты гения. Успехи его превосходны». Профессор математики Карцов отмечал следующее: «Был, как и всегда, внимателен, отменно прилежен, в суждении тверд и основателен, успехи оказывает быстрые и решительные, вел себя превосходно». Инспектор Пилецкий-Урбанович писал о нем в журнале: «благонравен, благороден, ревнителен к учению и чести своей, дружелюбен, весьма чувствителен и пылок».²

¹ Я. Грот. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. Изд. 2-е. СПб. 1899, стр. 57.

² Все эти отзывы помещены в приложениях к книге Селезнева «Исторический очерк Императорского лицея». СПб. 1861.

Кажется, больше и не подобрать эпитетов для характеристики Горчакова. Подчеркнуть следует «ревность к пользе и чести своей», «чрезмерное соревнование», или, проще, честолюбие, прямо поглощавшее молодого лицеиста.

Так вот какой друг был у Пушкина в лицее, у Пушкина, который являлся чуть ли не полной противоположностью Горчакову. До нас дошло три послания поэта к Горчакову и один отрывок из послания ему же. Два послания писаны еще в лицее. Были ли они данью дружбы? Едва ли: они могут свидетельствовать о хороших товарищеских отношениях в лицее — и только! Между Пушкиным и Горчаковым вовсе не было той дружбы, которая проникала, например, отношения Пушкина к Пушкину или Дельвигу. Когда перечитываешь в хронологическом порядке эти послания Пушкина к Горчакову, то начинает казаться, будто Пушкин где-то в глубине души все время осторожно сравнивает себя с избранником счастья. Сначала образ Горчакова, столь одаренного и блестящего, привлекает внимание поэта. Все, достижение чего кажется нелегким для Пушкина, все это дается Горчакову; его удачи и дарования верно сулят ему радости жизни, столь изменчивые для поэта. Любовь, та любовь, что для юноши сказалась в такой безнадежности, стучится в сердце избранного. В первом же послании поэт, колеблющийся в вопросе о том, чего же пожелать товарищу — глубокой ли старости, любезной супруги или громких дней, крестов, алмазных звезд, честей (этого-то и должен был желать поэт), — вдруг останавливается на самом желанном для себя в этот миг.

Дай бог любви, чтоб ты свой век
Питомцем нежным Епикура
Провел меж Вакха и Амура.

Дай бог, чтоб в страстном упоеньи
Ты с томной сладостью в очах
Из рук младого Купидона,
Вступаая в мрачный чели Харона,
Уснул... Ершовой на грудах!

Во втором послании поэт гораздо серьезнее анализирует счастливого избранника и освобождается от заколдовывающего влияния необыкновенной удачливости, счастья:

Мой милый друг, мы входим в новый свет:
Но там удел назначен нам неравный,
И разный нам оставить в мире след...

Счастливым и славным путь материального, внешнего счастья не пленяет поэта. Ему опять все кажется, что Горчакова должна увлечь «любви прелестная пора»: ведь это же лучшее, что представлялось в то время поэту-юноше. Ему «чужда счастливая любовь», и жизнь его так уныла в сравнении с той,

которой он может надеть счастливого избранника. Но ведь не от предопределения же, не от рока же эта разница судеб, ведь и радости жизни даются одному и отнимаются у другого не оттого же, что один родился в сорочке, а другой нет? Вот вопрос, которым разрешается второе послание.

Третье послание написано уже после лицей, в то время когда товарищи уже расходились. Отношения Пушкина становятся все сознательнее и сознательнее. Горчаков уже делает карьеру. Он — «питомец мод, большого света друг, обычаев блестящих наблюдатель». А Пушкин, «красоты беспечный обожатель», проводит «незнаемый досуг».

«Ты мне велишь оставить мирный круг», — пишет Пушкин. Тут речь идет, конечно, о совете Горчакова Пушкину обратить побольше внимания на карьеру и успехи в свете. Но Горчаков уже стал ясен для поэта: он не советует ему больше «вновь миртами красавицу венчать». Он предпочитает скорей быть в счастливой семье («младых повес»), чем в том обществе, которое только и признавал Горчаков. Какими необычайно резкими должны были показаться именно Горчакову стихи Пушкина:

Не вижу я украшенных глупцов,
Святых невежд, почетных подлецов
И мистика придворного кривлянья.

Честолюбию и роковой удачливости Горчакова какой большой удар в этом послании! Правда, добрый поэт смягчил эффект характеристики света заключительными стихами:

И ты, харит любовник своевольный,
Приятный лжец, язвительный болтуи,
По прежнему остряк не богомольный,
По прежнему философ и шалун, —
И ты на миг оставь своих вельмож
И малый круг друзей моих умножь.

Но и эти стихи говорят, что расстояние, которое Пушкин-лицейист отмечал между собой и Горчаковым, уже существовало.

Жизненные дороги расходились все дальше и дальше. Пушкин прошел через вольномыслие эпохи, соприкасаясь незаметно для себя с таинственной жизнью политических обществ: был в ссылке на юге, находился в ссылке в Михайловском. Имя его было окружено ореолом правительственного гонения. А Горчаков «шел в гору» по коллегии иностранных дел. В 1820 и 1821 годах он находился при управлявшем коллегией в Тропнау и Лайбахе, а в 1822 году он уже был первым секретарем посольства в Лондоне. ¹

¹ В качестве такового в 1826 году он явился в Эдинбург к Ник. Пв. Тургеневу и увещевал его приехать в Россию.

В Михайловском Пушкин оказался под началом и под надзором всяческих властей, светских и духовных, и между прочим и местного, опочедкого предводителя дворянства Пешурова. Пешуров доводился Горчакову дядюшкой и через него Горчаков получал сведения о лицейском товарище. В одном из писем к дяде, открытых в 1928 году, Горчаков из Парижа (от 5 февр. и. ст. 1825 года) писал: «Я с живым интересом прочел все подробности, которые вы мне даете насчет Пушкина. — Принимаю часть признательности, которую я вам обязан за заботы, которые вы приняли, чтобы вытащить его из затруднения. К тому же я очень рад, что вы не понесли ответственности за это. Не взирая на противоположность убеждений, которые мы исповедуем, я не могу не испытывать к Пушкину большой симпатии, основанной на воспоминаниях молодости и на любви, которое во мне всегда вызывал его поэтический талант. Его поведение было впрочем постоянно нелепо, и надо признаться, что одна лишь ангельская доброта государя могла не утомиться обращаться с ним со снисхождением, которое он не всегда заслуживал...»

В первой половине сентября 1825 года кн. Горчаков заехал в с. Ляоново, Псковского уезда, к своему дядюшке, предводителю А. Н. Пешурову. Здесь встретился с ним Пушкин. Свидание с лицейским товарищем не доставило радости Пушкину. Он писал после встречи кн. П. А. Вяземскому: «Горчаков доставит тебе мое письмо. Мы встретились и расстались довольно холодно — по крайней мере с моей стороны. Он ужасно высох — впрочем, так и должно: зрелости нет у нас на севере, мы или сохнем, или гнием: первое все-таки лучше. — От нечего делать я прочел ему несколько сцен из моей комедии, попроси его не говорить об них...». А 15 сентября Пушкин писал тому же Вяземскому: «Горчаков мне живо напомнил лицей, кажется, он не переменялся во многом — хоть и созрел и следственно подсох. Ты вбил ему в голову, что я объедаюсь гонением. — Ох душа моя — меня тошнит... но предлагаемое да едят».¹

Итак они, Пушкин и Горчаков, в 1825 году разошлись, и Горчаков был до прозрачности ясен Пушкину. Последняя фраза вырисовывает даже оттенок их отношений. С высоты своего благоприличия и карьеры Горчаков, очевидно, указал Пушкину все светское неприличие положения преследуемого правительством. Ну, конечно, в момент свидания с Пушкиным Горчаков чувствовал себя гораздо выше и значительнее ссыльного поэта. Мы сейчас приведем рассказ самого Горчакова о встрече с Пушкиным, а пока выразим глубокую радость по поводу того, что дошли до нас те письма Пушкина, из которых мы только что привели отрывки. Не будь у нас свидетельства самого Пушкина о свидании с Горчаковым, пришлось бы

¹ Письма, т. I, стр. 161, 163.

поверить тому, что болтал в позднейшие годы сам князь. Вот что рассказал в 1871 году князь Горчаков кн. А. И. Урусову, записавшему слова Горчакова и сообщившему их в «Русский Архив». ¹ Рассказ ведется в третьем лице.

«В 1825 году князь Александр Михайлович возвратился в Россию из Spa, где лечился. Он посетил своего дядю, Пещурова, который жил в это время в своей вотчине Псковской губернии, в селе Лямонове. Пещуров принимал большое участие в судьбе Пушкина, жившего в изгнании в деревне, в известном Михайловском. По приезде его из Одессы к поэту был приставлен полицейский чиновник, с специальной обязанностью наблюдать, чтобы Пушкин ничего не писал предосудительного. Понятно, как раздражал Пушкина этот надзор. Пещуров, из любви к нему, ходатайствовал у маркиза Паулуччи (тогдашнего рижского генерал-губернатора) о том, чтобы этот надзор был снят, а Пушкин отдан ему на поруки, обещая, что поэт ничего дурного не напишет. Ходатайство имело успех, и Пушкин вздохнул свободнее.

«Узнав о приезде князя Горчакова, Пушкин тотчас приехал из Михайловского в Лямоново, и здесь, на проселочной дороге, друзья действительно встретились и «братски обнялись». Целый день провел Пушкин у Пещурова и, сидя на постели вновь захворавшего князя Горчакова, читал ему отрывки из «Бориса Годунова» и, между прочим, наброски сцены между Пименом и Григорием. «Пушкин вообще любил читать мне свои вещи», заметил князь с улыбкой, «как Мольер читал комедии своей кухарке». В этой сцене князь Горчаков помнит, что было несколько стихов, в которых проглядывала какая-то изысканная грубость и говорилось что-то о «слюнях». Он заметил Пушкину, что такая искусственная тривиальность довольно неприятно отделяется от общего тона и слога, которым писана сцена... — «Вычеркни, братец, эти слюни. Ну, к чему они тут?» — «А посмотри у Шекспира и не такие еще выражения попадают», — возразил Пушкин. «Да, но Шекспир жил не в XIX веке и говорил языком своего времени», заметил князь. Пушкин подумал и переделал свою сцену.

«Пользуясь своим влиянием на Пушкина, князь Горчаков побудил его уничтожить одно произведение, «которое могло бы оставить пятно на его памяти». Пушкин написал было поэму «Монах». Князь Горчаков взял ее на прочтение и сжег, объявив автору, что это недостойно его имени». ²

Да, не сохранись свидетельства Пушкина, пришлось бы исследователям ставить и решать вопрос о влиянии канцлера Горчакова на творчество Пушкина...

¹ Русск. Арх. 1883, т. II, стр. 205—206.

² Истории «Монаха» в связи с отношениями к Горчакову посвящена следующая статья этой книги.

Столкновение этих рассказов рисует фигуру Горчакова прозрачными и комическими штрихами...

По поводу рассказов Горчакова уместно привести содержательную характеристику канцлера, принадлежащую перу Е. М. Феоктистова и появившуюся в печати в 1929 году: «Горчаков видел на своем веку очень много и любил говорить о замечательных лицах, с которыми сталкивала его судьба, но в рассказах о них он всегда ухитрялся отводить самому себе видное место. Так поступал он даже относительно Пушкина. Из слов его оказывалось, будто он имел сильное влияние на развитие таланта знаменитого поэта, будто Пушкин особенно доверял его вкусу, читал ему свои произведения и подчинялся всем его замечаниям. Плохо верится этому, так как между натурами Пушкина и Горчакова едва ли могло быть много общего. На ученической скамье и вскоре по выходе из лицея Пушкин мог писать ему послания, но затем каждый из них пошел своею дорогой, встречались они редко и при одной из этих встреч знаменитый поэт с горечью заметил, как сильно Горчаков выдохся (письмо Пушкина напечатано в «Русском Архиве», но Бартенев не решился, разумеется, обозначать имя Горчакова). Как бы то ни было, князю Александру Михайловичу приятно было похвалиться мнимым влиянием своим на бывшего товарища, прославившего свое имя. Вообще прежде всего поражало в нем непомерное тщеславие. Не было, кажется, такой грубой, наглой лести, которую не принимал бы он за чистую монету; он нуждался в поклонении, в том, чтобы непрерывно курили ему фимиам, прославляли его доблести». ¹

Но поэт был великодушен и щедр. В своем стихотворении «19 октября» он посвятил ему прекрасную строфу. Это — последнее поэтическое свидетельство об отношении Пушкина и Горчакова. В известных нам сочинениях и письмах Пушкина мы не находим больше упоминаний о Горчакове.

Ты, Горчаков, счастливцев с первых дней,
Хвала тебе — фортуны блеск холодной
Не изменил души твоей свободной:
Все тот же ты для чести и друзей.
Нам разный путь судьбой назначен строгой,
Ступая в жизнь, мы быстро разошлись:
Но невзначай, проселочной дорогой
Мы встретились и братски обнялись.

Горчаков надолго пережил Пушкина. В год смерти Пушкина он управлял делами нашего посольства в Вене, а скоро он и совсем стал сановником. Пушкин же превратился для него в совсем ничтожную величину. Правда, Я. К. Грот записал, что «Горчаков до глубокой старости гордился дружбой поэта», ²

¹ Е. М. Феоктистов. За кулисами политики и литературы 1848 — 1896. Мол ред. Ю. Г. Оксмана. «Прибой» 1929, стр. 62—63.

² Я. К. Грот, цит. раб., стр. 16.

но в этом позволительно усомниться. На собрании лицейстов 19 октября 1870 года было решено образовать комитет по устройству памятника. По поручению собравшихся, Я. К. Грот и Н. А. Шторх явились к кн. Горчакову с приглашением в члены этого комитета. «Но кн. Горчаков не нашел возможным согласиться на их просьбу, ссылаясь на свои занятия и, кажется, на свое здоровье». ¹

И через десять лет, в 1880 году, Горчаков отказался присутствовать на торжестве открытия памятника. Приглашал его Я. К. Грот. «Он (Горчаков), — пишет Грот, — принял меня очень любезно, выразил сожаление, что не может быть на торжестве в честь своего товарища, и, прочитав на память большую часть послания его «Пускай, не знаясь с Аполлоном», распространился о своих отношениях к Пушкину». ²

В 1825 году в стихах, посвященных лицейской годовщине, Пушкин восклицал:

Кому ж из нас под старость день лицея
Торжествовать придется одному?
Несчастный друг! средь новых поколений
Докучный гость, и лишний, и чужой,
Он вспомнит нас и дни соединений,
Закрыв глаза дрожащею рукой...
Пускай же он с отрадой хоть печальной
Тогда сей день за чашей проведет,
Как ныне я, затворник ваш опальной,
Его провел без горя и забот.

Этим последним лицейстом пушкинского выпуска был князь Горчаков. Он не оправдал мечты поэта... ³

¹ Я. К. Грот., цит. раб., стр. 170.

² Там же, стр. 268.

³ Несколько слов о тексте и хронологии посланий Горчакову. Появились они в печати как-то из-под полы. Сам Горчаков не считал нужным приложить свою руку к воспроизведению посланий к нему Пушкина. П. А. Ефремов замечал по этому поводу: «как согласить слова Я. К. Грота, будто Горчаков «до глубокой старости гордился дружбою Пушкина и знал на память обращенные к нему послания знаменитого товарища». Если так, то почему же все эти послания явились в печати помимо князя, с искаженным и неполным текстом, в отрывках (как в «Рауте» Сушкова), и почему при такой «гордости дружбою Пушкина» и знании наизусть посланий князь не продиктовал полного и верного текста и даже не сообщил никаких поправок хотя бы Гроту, своему собеседнику о Пушкине». А ведь рукописи посланий сохранились в архиве Горчакова. Хронология их совершенно произвольна: одно из них печатается под 1815 годом, без всяких к тому оснований и должно быть перенесено в стихотворения неизвестных годов лицейского периода. Второе послание печатается под 1816 годом. Начинается оно так:

Встречаюсь я с осьмнадцатой весной;
В последний раз, быть может, я с тобой,
Задумчиво внимая шум дубравной,
Над озером иду рука с рукой.

«Осьмнадцатую» весну Пушкин, родившийся 26 мая 1799 года, встречал конечно в 1817 году. Только весной 1817 года, оканчивая курс лицея, Пушкин

Прошло 45 лет со смерти Горчакова. Прошло 11 лет великой русской революции, которая смела без остатка хозяев Горчаковых, и вдруг в 1928 году о Горчакове вспомнили и заговорили. Были найдены охраненные случаем остатки его архива, среди них автографы (числом 7) и списки стихотворений Пушкина. Важнейшей находкой была поэма «Монах»; ни одного стиха этой поэмы Пушкина мы не знали. Понятен оживленный шум вокруг этой находки. Нетерпеливое ожидание читающей массы было скоро удовлетворено Центрархивом, который напечатал «Монаха» на страницах «Красного Архива». ¹ Вопросу о поэме посвящена моя статья, которая воспроизводится вслед за настоящей работой. Наконец, и Горчаков оказался пушкинистам полезен: он сохранил свежее и яркое произведение юной музы Пушкина.

мог думать, что эта весна — весна последних встреч. Совершенно очевидно, что это послание надо печатать под 1817 годом. Наконец, третье послание отнесено к 1819 году Анненковым, причем основания приурочения не указаны: может быть они были у Анненкова, а может быть и не были, а было только его предположение.

¹ Кн. 31 и 32. Ныне выходит в издании «Горчаковский архив».